

Корнилович Владимир Адамович

кандидат социологических наук,
докторант Института социологии
Российской академии наук

Гайдт Анна Юрьевна

соискатель кафедры философии политики
и права философского факультета
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

**«ВЛАСТЬ» И «УПРАВЛЕНИЕ»
КАК КАТЕГОРИИ СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ**

Аннотация:

Признавая изменчивость социального как свойства современного общества, авторы считают, что назрела необходимость приведения практики использования механизмов регуляции (власти, собственности, управления) для поддержания социального порядка в российском обществе в соответствии с социальной действительностью. В статье проводится анализ двух категорий – «власть» и «управление» в контексте методологического обоснования деятельности органов власти и управления, связанной с совершенствованием средств регуляции спонтанных социальных процессов.

Ключевые слова:

сравнительный анализ, власть, управление, политическая власть, политический процесс, государственное управление, механизм регуляции, социология управления.

Kornilovich Vladimir Adamovich

PhD in Social Science, Doctoral student,
Institute of Sociology of
the Russian Academy of Sciences

Gaydt Anna Yurievna

PhD applicant,
Philosophy of Politics and Law Subdepartment,
Philosophy Department,
Lomonosov Moscow State University

**“POWER” AND “MANAGEMENT”
AS CATEGORIES OF
SOCIO-POLITICAL KNOWLEDGE**

Summary:

Recognizing the variability of social as a feature of the modern society, the authors believe that there is a long-felt need to introduce the practice of using the mechanisms of regulation (power, property, management) to support social order in the Russian society in compliance with the social reality. The article analyses the two categories: “power” and “management” in the context of the methodological reasoning of the activities of the government and administration bodies, associated with the improvement of regulation of spontaneous social processes.

Keywords:

comparative analysis, power, management, political power, political process, state administration, regulation mechanism, sociology of management.

Усложняющаяся динамика социальных изменений в российском обществе, а также стремление управленцев-практиков продвинуться в решении городских и региональных социально-экономических проблем становятся основными стимулами поиска адекватных инструментов контролируемого вмешательства в процессы жизнедеятельности общества (политических, экономических, организационных, правовых и т. п.). При этом в российской практике управления мы можем наблюдать, что предпринимаемые органами власти действия по мобилизации общественных сил на обустройство повседневной жизнедеятельности общества [1], в том числе реализация приоритетных национальных проектов, целевых программ, направленных на повышение качества и уровня жизни людей, нередко приводят к появлению новых социально-экономических проблем. Аномальность (по Т. Парсонсу) данного социального факта состоит в том, что деятельность органов власти и управления уже сама по себе является порождающим фактором все новых и новых проблем.

Научная задача исследования проблем в управлении, как нам видится, состоит в методологическом обосновании деятельности органов власти, связанной с совершенствованием механизмов регуляции спонтанных социальных процессов – власти, собственности, управления. Последнее всегда связано с открытием закономерностей социальной дифференциации этих механизмов регуляции, которые необходимо знать; формулировкой принципов их институционализации, на которые следует ориентироваться; поиском соответствующих им методов, приемов регулирующего воздействия для достижения искомого результата управленческого действия.

Для рассмотрения в настоящей статье мы определили два механизма регуляции, две научные категории: «власть» и «управление».

В рамках бихевиорального подхода в контексте реализации его научно-исследовательской программы по созданию новой «большой» политической теории в политической науке формируются системный и структурно-функциональный подходы, в русле которых вызревает теория политической системы, на основе которой сравнительная политология окончательно утверждается

в качестве автономной субдисциплины. История формирования системных представлений об обществе объединяется рамками нескольких областей научного знания, таких как биология, социальная антропология, философия, кибернетика, экономика, социология и др. Предшествующие «несистемные» средства анализа социальных и политических феноменов определялись преимущественно через «разложение» изучаемого объекта на его части и качественное описание этих частей [2, с. 235]. Общий исходный тезис системных теорий, напротив, базируется на предположении, что любое явление социальной действительности можно рассматривать как систему или системы. В общественных науках с методологической точки зрения системы есть «абстракции реально существующего общества» [3, с. 178].

Системное и структурно-функциональное направления сначала получили свое оформление в социологической науке, из которой и проникли в политологию. Системные идеи были представлены в работах О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, М. Вебера, Т. Парсонса, Р. Мертона и других. В частности, по мнению большинства современных политологов, впервые теоретически и методологически обосновал фундаментальные постулаты структурного функционализма Э. Дюркгейм, напрямую не относящийся к числу предшественников системного подхода в социологии. Взгляд Э. Дюркгейма на общество можно назвать объективистским: общество есть особая сущность, независимая от отдельных индивидов и несводимая к простой совокупности своих частей, – совокупность социальных фактов. «Социальные факты, – пишет он, – это способы мышления, деятельности и чувствования, находящиеся вне индивида и наделенные принудительной силой, вследствие которой они ему навязываются» [4, с. 31]. По этой причине объяснение социального порядка нужно искать в свойствах самого общества, а не индивидов, а главной целью анализа взаимосвязанных частей системы является изучение того, как они удовлетворяют потребности системы в целом.

Т. Парсонс, пытаясь преодолеть недостатки объективистского и субъективистского подходов к исследованию общества, предпринял попытку создать «большую» теорию, пригодную для анализа любых живых систем: от одноклеточного организма до человеческих цивилизаций. Фундаментальная категория его теории – волевое (целерациональное) действие – выражает понимание поведения человека как мотивируемого и направляемого теми значениями, которые он обнаруживает во внешнем мире, учитывая и реагируя на них. Любое волевое действие одновременно представляет собой совокупность единичных действий и составную часть более широкой целостности – общества как «системы, образуемой состояниями и процессами социального взаимодействия между действующими субъектами» [5, с. 17]. Общество – социальная система особого типа, обладающая высокой специализацией и самодостаточностью и состоящая из четырех подсистем – экономической, политической, культурной и социетальной. Т. Парсонс также обосновывал выделение четырех фундаментальных функциональных требований к социальной системе как совокупности взаимодействующих подсистем, обеспечивающих, прежде всего, ее сохранение и выживание: адаптации (функции экономической подсистемы), целедостижения (функции политической подсистемы), поддержания образца или легитимации (функции культурной подсистемы) и интеграции (функции социальной подсистемы). Это позволяет полагать, что в системе социального действия Т. Парсонса «выделяются в качестве ее компонентов как элементы устойчивости (структура), так и их роли и значения (функции)» [6, с. 32–33].

Первым осмыслить данный тезис по отношению к политической реальности попытался Д. Истон, создавший в 1953 г. модель политической системы, которую рассматривал как совокупность взаимодействий субъектов политики, «посредством которых ценности авторитарным способом приносятся в общество» [7, с. 323]. В качестве фундаментальной категории, позволяющей понять политическую жизнь, Д. Истон называет «власть» как способность политической системы не просто распределить в обществе ценности и ресурсы, но и «заставить» большинство членов общества принять это распределение как справедливое и обязательное.

В более широком ракурсе ставит задачу его коллега Г. Алмонд, в первую очередь стремясь выявить то, насколько механизм принятия политических решений отклоняется от формальных полномочий тех или иных органов власти. Г. Алмонд начинает строить свою теорию с определения содержания ее основных категорий. Он рассматривает политическую систему одновременно как самореферентную и как составляющую «глобальной» общественной системы, связанную с осуществлением государственной монополии на легитимное физическое принуждение в рамках определенной территориальной организации. Исходя из идей Т. Парсонса и руководствуясь базовыми постулатами и понятиями структурного функционализма, Г. Алмонд переносит их в политическую сферу, где вместо понятия «государство» появляется «политическая система», вместо институтов и организаций – структуры и роли, являющиеся основными категориями его структурно-функциональной теории политической системы. В этом контексте его понимание политической системы

приобретает несколько иную форму, поскольку прописывается через новые концепты: политическая система есть «взаимозависимое взаимодействие» структур и ролей, выполняющее функции адаптации и интеграции в целях поддержания стабильного («равновесного») состояния системы.

Исходя из этого и ставя себе «глобальную» задачу приспособления структурно-функциональной теории политической системы к решению проблем сравнительного исследования политики, Г. Алмонд предпринимает попытки создания своего рода универсальной функциональной «матрицы» политической системы. Для реализации этой задачи он выделяет в политической системе три уровня ее функционирования, описываемые в категориях возможностей и функций системы. Первый уровень – системы в целом, описывает действия, происходящие, пользуясь терминологией Д. Истона, как на «входе», так и на «выходе» политической системы, и получает выражение через процессы социализации, рекрутирования и коммуникации. Второй уровень – политического процесса – преобразования системных «входов» (требований и поддержки) в системные «выходы» (решения и действия). Этот уровень включает такие функции, как артикуляция и агрегирование интересов, определение и осуществление политического курса, вынесение судебных решений (контроль и арбитраж). Третий уровень – государственного управления (или политического курса), демонстрирует регулятивные, экстрактивные, дистрибутивные, реактивные и символические возможности «входа» и «выхода» политической системы. Функциональная «матрица» политической системы Г. Алмонда фактически стала аналитическим инструментом сравнения политических систем и на определенный хронологический период – теоретико-методологической основой новой субдисциплины – сравнительной политологии.

Сравнение – это познавательная операция, позволяющая определить сходства и различия между сравниваемыми объектами – политическими системами. Политическая система как объект сравнительного исследования представляет совокупность взаимодействий устойчивых структур (институтов) и их функций, связанных с осуществлением власти и рассматриваемых в динамике. Властные субъект-субъектные взаимодействия, являясь имманентной характеристикой политической системы, определяются, с одной стороны, как субъективная психологическая составляющая человека как политического существа, с другой – как элемент сложного механизма политических взаимодействий, осуществляемых под влиянием окружающего социально-политического пространства. В первом случае соотносим понятие «власть» с категорией «политическая воля», во втором – рассматриваем власть как функцию политической системы общества, как механизм, посредством которого вырабатывается и осуществляется политический курс.

Механизм функционирования политической системы отражает три основные плоскости властных взаимодействий – «господство – подчинение», «контроль – влияние», «управление – давление». Отношения «господства и подчинения» отражают процесс воспроизводства и поддержания легитимного порядка в политической системе, в котором ключевую роль играют такие элементы политической культуры, как социально-политические ценности, традиции и стереотипы. Иными словами, господство есть «процесс реализации власти» [8, с. 637], причем властные отношения могут рассматриваться на уровне «господство – подчинение» только в том случае, когда оцениваются их участниками как легитимные. Отношения «контроля – влияния» связаны с основными механизмами распределения ресурсов в политической системе. К числу ресурсов относятся количественно ограниченные различные материальные и духовные блага, имеющие социальную и политическую значимость. Отношения «управления – давления» включают в себя две основные фазы – волеизъявления и реализации политического решения, в рамках которых гражданское общество может оказывать «давление снизу» с помощью различных институциональных механизмов («обратная связь»).

Теоретическая разработка нового представления о единстве структуры общественного целого и деятельно-субъектного начала (П. Штомпка) изменяет саму постановку вопросов в социологическом исследовании проблем управления. Выделяя управление в качестве элемента социальной системы, необходимо уточнить понимание «управления» в общесоциологических и среднеуровневых теориях как социологической реальности: закономерностей его порождения, структуры, функционирования и развития. Это послужит основанием для уточнения релятивности понятий «власть» и «управление». На общесоциологическом уровне управление определяется: как особый социальный институт, проявляющий собственные свойства и закономерности (макросоциология); как целерациональное социальное действие или как механизм функционирования социальных организаций (микросоциология); как явление цивилизации, где оно является и причиной ускоренного технологического и социального развития, и явлением культуры (социокультурный анализ). Однако социологическая наука пока не располагает теоретически развернутой феноменологией этого социального явления.

Изменение представлений об управлении, а также внесение в предмет общей социологии естественно-искусственной структуры общества (самоорганизации и управления) как онтологического свойства социальной системы, «человекообразных объектов» (В.С. Стёпин), несомненно,

влечет отказ от традиционного представления об обществе как социальной системе только со структурой и функциями. В отличие от порядка природы, социальный порядок, устанавливаемый посредством управления, есть эмерджентный продукт сознательной человеческой деятельности [9, с. 56], и управление уже нельзя рассматривать как вездесущий атрибут социальной жизни общества, данный нам в виде управляющих организаций. Предложение А.В. Тихонова в социологической теории управления рассматривать общество как симбиоз «принципиально неоднородных и неоднородных систем» (искусственной и естественной, самоорганизации и управления) приводит к несомненно важному теоретико-методологическому положению социологии управления относительно закономерностей появления феномена управления в социальной жизни общества. Управление как искусственная структура является результатом спонтанных социальных процессов и внутренне присущим общественной системе элементом. Искусственные системы, вырастая из естественных, становятся надсистемами, руководящими и направляющими органами общества, обеспечивающими его интеграцию, стабильность и ускоренное развитие [10, с. 152–153]. О.Н. Яницкий достаточно четко проиллюстрировал развитие подобных новообразований на примере формирования экосистем, при этом в процессе становления изменяется не только содержание понятий «ресурс», «место», но и процессы управления ресурсами и пространством. При выделении экосистемы как явления глобального сетевого управления происходит так называемая инверсия пространства, незначимой переменной, когда управление становится самостоятельным явлением, приобретает форму социального института [11, с. 3–22].

Таким образом, «мир-система» И. Валлерстайна, «большое общество» А.С. Ахиезера, «организация» Г.И. Рузавина, «экосистема» О.Н. Яницкого – это примеры искусственных социальных систем, само создание, поддержание и развитие которых строится на совершенно иных законах, чем в естественных системах и частях общества, таких как «жизненный мир», «локальное сообщество», «самоорганизующиеся сообщества» [12]. Универсальность механизма регуляции управленческого типа проявляется в том, что социально-экономические, социокультурные особенности развития локальных сообществ, регионов, макрорегионов не являются проблемой в управлении, а выступают условием реализации стратегических планов развития общества.

Г.П. Щедровицкий, используя системный подход к организации, демонстрирует иной вариант функционирования «управления» в общественной системе: управляющая система «захватывает» управляемый объект, который становится ее частью. Чтобы осуществить такой захват, управляющему субъекту надо развить средства получения знания об управляемом объекте, то есть исследование, прогнозирование, проектирование возможных траекторий движения управляемой системы [13]. По сути, предлагаемые концепции управления выступают альтернативой естественно-научному подходу к управлению: управляющий и управляемый объект не существуют отдельно, как в кибернетической модели. Приоритетность знания о социальной реальности в выработке решений и реализации управленческих воздействий признают оба автора. Но Г.П. Щедровицкий рассматривает управление как деятельность социального субъекта по конструированию социальной реальности, «организация» выступает как процесс и результат управленческой деятельности: «...выбор элементов, сборка элементов, задание определенных отношений и связей, превращающих совокупность элементов в некое целое, – это есть работа по организации в том случае, если такими элементами являются люди...» [14, с. 161–162]. При этом сохраняется представление о субъект-объектных и субъект-субъектных отношениях между управляемой и управляющей подсистемами общества.

Напротив, в социологической теории управления, развиваемой А.В. Тихоновым, управление – это самостоятельное социальное явление, «которое не сводимо ни к субъекту, ни к объекту, ни даже к их отношениям» [15, с. 41, 96]. В концепции регуляции социальных отношений он выделяет регуляцию управленческого типа, которая относится к социальным феноменам, особому социальному институту [16, с. 114]. Управление развивается внутри «социального тела» (социальной реальности) как социально организованный механизм связи элементов природного, ментального и социального миров [17, с. 175]. Целостность субъект-субъектных и субъект-объектных отношений представляет собой социальный индивид, в котором систематизирующим фактором выступает социально значимая, персонифицированная проблема. Общество в целом и различные сообщества представляются как персонифицированная система и ее «социокультурное тело». Персонифицированная проблема является объектом управления. В качестве доминирующего субъекта в этом случае рассматривается не отдельный орган власти или управления, но такой социальный индивид, который «способен интериоризировать эту проблему, создать культурный образец, проект ее решения и организовать объективацию проекта путем налаживания диалоговой коммуникации со всеми участниками совместной деятельности» [18, с. 330].

Конечно, для понимания отношения управления как универсального свойства требуется пересмотреть устоявшееся представление об «управлении» как субъект-объектных отношениях

управляемой и управляющей подсистем. В описании модели стратегического управления нами уже было отмечено, что стратегическое управление не может быть сведено к прямому воздействию одной подсистемы на другую, как в кибернетической модели. Не может быть сведено и к организованной определенным образом коммуникации, в силу того что коммуникация не объединяет относительно самостоятельные, различные по внутреннему содержанию и форме, характеру и времени протекания процессы в единое целое. Кроме того, мы не только признаем изменчивость социального, но и постулируем усложнение и дифференциацию функций и структур управления в ответ на изменения социальной системы. Восприимчивость социальной системы к управленческим воздействиям достигается при условии, когда модель государственного управления отражает структуру и функциональные состояния социальной системы. В стратегическом управлении, в модели которого присутствует как самоорганизация, так и управляемые социальные процессы, происходит трансформация механизма регуляции совместной продуктивной деятельности различных социальных субъектов.

Таким образом, среднеуровневые социологические теории в ответ на изменения социальной реальности предложили пересмотр содержания самого понятия «управление», введение в социологическую теорию управления (А.В. Тихонов) естественно-искусственной структуры общества. Принципиальные изменения в научном представлении об управлении, конечно же, имеют фундаментальное значение для конструирования модели государственного стратегического управления, научного обоснования ее использования и выработки научно обоснованных рекомендаций по модернизации отечественной системы управления. Для постановки научных проблем управления общественным развитием следует четко понимать характер существования объекта социологии управления – «социокультурное тело», «человекообразные объекты»: «...как естественная система, подчиняющаяся своим внутренним процессам с имманентными им законами самодвижения социальной материи, и как искусственная система управления, включенная в деятельность и преобразующая ее в такой степени, что при этом меняются сами законы ее естественного функционирования и изменения» [19, с. 56].

Постулируя, что социальная реальность существует как искусственно-естественная социосфера, теория управления сохраняет предмет социологической науки – целостное общество с включением в рассмотрение тех элементов и тех процессов, которые не имеют распространения в живой и неживой природе. Представление о единстве искусственного и естественного может быть распространено не только на материальную культуру, но и на социальную и духовную сферы жизнедеятельности общества. Г.И. Рузавин указывает на перспективы теоретических представлений о взаимопроникновении процессов самоорганизации и организации – это «может стать общей, фундаментальной основой новой парадигмы развития всех систем и структур современного общества» [20, с. 69].

Истоки существующих в современной России проблем в управлении А.В. Тихонов усматривает в том, что поиск резервов модернизации системы управления в стране происходит «на основе индустриальной парадигмы, не соответствующей современному движению страны к постиндустриальным ценностям и новым культурным образцам социальной организации» [21, с. 43]. Признание социальных изменений как свойства современного общества приводит к осознанию ограниченности инструментального прямого воздействия, реализуемого в представлениях субъект-объектных, субъект-субъектных отношений между управляющей и управляемой подсистемами. Выводы специалистов НИИ комплексных муниципальных исследований ООН РАН о том, что «местное сообщество становится все более “процессным”, обретая свойства текучих, быстро изменяющихся структур, в которых переплетаются коммуникации» [22, с. 219], приводят к пониманию практической непригодности инструментального, прямого управленческого воздействия не только на макроуровне, но и в управлении различными сторонами жизнедеятельности локального сообщества.

Таким образом, для приведения практики использования механизмов регуляции (власти, собственности, управления) для поддержания социального порядка в российском обществе в соответствие с социальной действительностью принципиальными становятся следующие методологические установки:

1. Феномен управления является внутренне присущим социальной системе элементом, обладает универсальным свойством, универсальными отношениями и универсальным механизмом, воспроизводимыми в естественных процессах самоорганизации, что имеет фундаментальное значение для функционирования естественно-искусственной структуры общества. Не сводимо к субъект-субъектным и субъект-объектным отношениям.

2. Власть реализуется исключительно как субъект-субъектные отношения, относится к характеристике политической системы конкретного общества. Референты понятия «власть» – «политическая воля», «публичная власть» как способность устанавливать новые нормы и правила организации жизнедеятельности общества.

Воспроизводство в практике государственного управления этого эмпирически подтверждаемого знания о социальной реальности достигается посредством преодоления синкретизма базовых регулятивных механизмов «власть – собственность – управление».

Ссылки:

1. См.: Проблемы государственной политики регионального развития России : материалы Всерос. конф. (Москва, 4 апреля 2008 г.). М., 2008.
2. Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход. М., 1997.
3. Чилкот Р. Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы. М., 2001.
4. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.
5. Парсонс Т. Система современных обществ / под ред. М.С. Ковалёвой. М., 1998.
6. Гончаров П.К. Политическая система российского общества: теория и практика постсоветского транзита. М., 2008.
7. Истон Д. Категории системного анализа политики // Политология : хрестоматия / сост. М.А. Василик, М.С. Вершинин. М., 2000.
8. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
9. Уолш Д. Социология и социальный мир // Новые направления социологической теории : сб. ст. М., 1978.
10. Тихонов А.В. Теоретико-методологические основы социологии управления как отраслевой научной дисциплины : дис. ... д-ра социол. наук. М., 2000.
11. Яницкий О.Н. Изменяющийся мир России: ресурсы, сети, места // Мир России. 2010. Т. XIX, № 3.
12. Социология управления: стратегии, процедуры и результаты исследований / отв. ред. А.В. Тихонов. М., 2010.
13. Путеводитель по основным понятиям и схемам методологии Организации, Руководства и Управления : хрестоматия по работам Г.П. Щедровицкого. М., 2004 ; Щедровицкий Г.П. Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология : курс лекций / из архива Г.П. Щедровицкого. Т. 4. М., 2003 ; Его же. Фрагменты доклада на семинаре «Дизайнерское движение и перспективы его развития». Новоуткинск, 1978.
14. Щедровицкий Г.П. Оргуправленческое мышление ... С. 161–162.
15. Социология управления ... С. 41, 96.
16. Тихонов А.В. Теоретико-методологические основы ... С. 114.
17. Там же. С. 175.
18. Там же. С. 330.
19. Цит. по: Попов С.В., Щедровицкий П.Г. Конкурс руководителей. Всесоюзный конкурс на должность директора завода РАФ: анализ случая. М., 1989.
20. Там же. С. 69.
21. Тихонов А.В. От социологии менеджмента к социологии управления // Социологические исследования. 2011. № 2.
22. Тихонов А.В. Теоретико-методологические основы ... С. 219.

References:

1. See: *The state policy of regional development of Russia: Conf. (Moscow, 4 April 2008)* 2008, Moscow.
2. Blauberger, IV 1997, *The problem of integrity and systematic approach*, Moscow.
3. Chilcot, R 2001, *Theories of comparative politics. In search of paradigm*, Moscow.
4. Durkheim, E 1995, *Sociology. Its subject matter, method, purpose*, Moscow.
5. Parsons, T 1998, *The system of modern societies*, Moscow.
6. Goncharov, PK 2008, *The political system of the Russian society: theory and practice of the post-Soviet transit*, Moscow.
7. Easton, D 2000, 'Categories of systemic policy analysis', in Vasilik, MA & Vershinin, MS (comp.), *Politics: Reader*, Moscow.
8. Weber, M 1990, 'Basic sociological concepts', in Weber, M, *Selected works*, Moscow.
9. Walsh, D 1978, 'Sociology and social world of New Directions', *Sociological Theory*, Moscow.
10. Tikhonov, AV 2000, *Theoretical and methodological foundations of sociology of management as a scientific discipline industry*, D.Phil. thesis, Moscow.
11. Yanitskiy, ON 2010, 'The changing world Russia: resources, networks, space', *World of Russia*, vol. XIX, no. 3.
12. Tikhonov, AV (ed.) 2010, *Sociology of management: policies, procedures and research*, Moscow.
13. *Review of the basic concepts and methodology of the schemes, and management: reader of the works of GP Shchedrovitsky 2004*, Moscow; Schedrovitsky, GP 2003, *Management thinking: ideology, methodology, technology: lectures*, vol. 4, Moscow; Schedrovitsky, GP 1978, *Fragments of the report at the seminar "Design movement and its development prospects"*, Novoutkinsk.
14. Schedrovitsky, GP 2003, *Management thinking: ideology, methodology, technology: lectures*, vol. 4, Moscow, p. 161-162.
15. Tikhonov, AV (ed.) 2010, *Sociology of management: policies, procedures and research*, Moscow, p. 96.
16. Tikhonov, AV 2000, *Theoretical and methodological foundations of sociology of management as a scientific discipline industry*, D.Phil. thesis, Moscow, p. 114.
17. Tikhonov, AV 2000, *Theoretical and methodological foundations of sociology of management as a scientific discipline industry*, D.Phil. thesis, Moscow, p. 175.
18. Tikhonov, AV 2000, *Theoretical and methodological foundations of sociology of management as a scientific discipline industry*, D.Phil. thesis, Moscow, p. 330.
19. Cit. by: Popov, SV & Schedrovitsky, PG 1989, *Competition leaders. All-Union competition for the position of director of the plant RAF: case study*, Moscow.
20. Popov, SV & Schedrovitsky, PG 1989, *Competition leaders. All-Union competition for the position of director of the plant RAF: case study*, Moscow, p. 69.
21. Tikhonov, AV 2011, 'From sociology, sociology of management control', *Sociological researches*, no. 2.
22. Tikhonov, AV 2000, *Theoretical and methodological foundations of sociology of management as a scientific discipline industry*, D.Phil. thesis, Moscow, p. 219.